
Тажин Адиль
Так вышло
Повесть
18+

Адиль Тажин

Так вышло

«Автор»
2026

Тажин А.

Так вышло / А. Тажин — «Автор», 2026

Повесть о начале «нулевых» в шахтёрском городе.«Зима в шахтёрском городе, где, в частном секторе с заборами из штакетника, лают собаки на цепях, живут кошки в сараях, и пахнет углём и креозотом, а снег становится через сутки чёрным, где во дворах «панелек» стоит приторный запах «шалы» от папиросы, которую передают друг другу, сидящие на «кортах» пацаны, ходящие на «рамсы», где собирают «грев на зону», и где пьют водку на крохотных кухнях, куря «Красный Бонд» в мягкой пачке и кидая «насвай», работают на рынке «на вещах», стоя целый день на морозе, встречаются двое ломаных людей, которые ищут в холодном феврале хоть каплю тепла. Два человека с прошлым. Они договорились, что для всех «ходят» вместе месяц, но смогут ли они расстаться, когда этот месяц закончится? Кончится ли около железной дороги «полоса отчуждения»?».

© Тажин А., 2026
© Автор, 2026

Адиль Тажин
Так вышло

Эпиграф
«Что может дать один человек другому, кроме капли тепла?
И что может быть больше этого?»
Эрих Мария Ремарк «Триумфальная арка»
Глава I
Февраль 2003

С армии я уже вернулся, уже как полтора года. Через восемь месяцев безделья, мытарств, психа и безденежья, работу я к осени 2002 нашел. Платили так себе, но я жил по дурной привычке — принципу, усвоенному из книг и глупых «пацанских понятий» — «деньги не главное». Конечно, это была полная херня, я это понял ещё до армии, но переломить инерцию мышления было не так - то просто. Короче, работа была, зарплата была средняя, жить было где. Треть зарплаты я отдавал родителям автоматом. Они ничего не требовали, но я сам считал, что раз, сейчас, живу с ними, то обязан вносить в общий котёл долю, и, всегда, с презрением смотрел на своих ровесников, которые так не делали, живя с родителями, и тупо деньги тратили на себя. Короче, мыслил я, как всегда черно - бело. Сам это понимал и думал: «Вот же ты, Адиль, гонишь! Прямой, сука, как штык - нож к АК - 74!»

Работа единственно была лёгкая и меня не напрягала. Компании толком уже не было. Та старая наша «толпа» образца, хотя бы осени 2000 года перестала существовать, и это было нормально. Серый уехал в Россию с женой Юлькой, пока я служил, Макс, еще до моей армии, уехал в Германию, получив с родаками «вызов», как немцы, Костян, Илья женились и жили семьями, с Ерлой я никогда особо кентом не был, тем более он стал ментом.

Общался я иногда с Толстым, но он пахал на автобусе, в автопарке, и времени у него было мало, да с Пашкой, но Толстый жил с бабкой, а Пашка с матерью, и мы могли пообщаться только во дворе, да и пахали все уже.

После армии девушки постоянной себе я не нашёл из - за своего пробитого характера, дикой гордыни в стиле «Да ну на! Как с ней ходить буду, если денег нет толком?!» Да и не верил как - то особо никому из них. Были на то свои причины. Монахом, ясно дело, я не был, но до серьезного, чтобы там «ходить», а тем более, жениться не доходило, хотя родители порой намекали типа «отслужил же, работаешь, двадцать четыре уже тебе, не пацан, пора думать». Я отмалчивался. Я чётко обрезал себя, когда такие мысли сами лезли мне в голову: «Какая на хер женитьба? Жилья нет своего. К себе домой привести? Чтобы она с матерью воевала за место у плиты?! Идти, как Илья к жене жить? Да ну на хер!» Моя гордыня тут сразу срабатывала, как тормоз.

В общем, я жил как жил. Плыл по течению, короче. Ходил на работу, читал книги, которые покупал или брал в библиотеке, иногда бухал с кентами. Несколько раз в год мотался в Темиртау к друзьям по армии. Вышло так, что почти все с кем я дружил в части, были с моего призыва оттуда, кроме Фаста с Акмолинской области из села, но туда хрен наездишься было с моими деньгами, хотя он не раз меня звал в гости. Короче, такая жизнь как черно - белое кино или лучше сказать «День сурка», как в том американском кино 1993 - ого.

В тот день, в конце февраля, я вышел с работы рано. Освободился с работы уже к трём. Делать было нечего, погода была неплохая, холодно, но без ветра. Хотя мне было, не по дороге, но домой я пошёл через старый район, где вырос. Просто так. Я знал, что пацаны всё равно ещё на работе. Дошёл до аллейки, покурил, постоял, и пошёл без цели, в сторону железной дороги, сам не зная зачем. Перейдя дорогу, увидел знакомую. «Лена, вроде? Да точно Лена. Со «своих домов» около железной дороги. На год или два младше меня. В другой школе училась там, где

Женька с моего двора и Кабан. Ниче такая» — подумал я машинально и, проходя навстречу, поздоровался, без всякой задней мысли, просто, потому, что было бы глупо морозиться.

— Привет, Лена.

— Привет, Адиль. — ответила она, тоже узнав меня.

— Как дела?

— Нормально, спасибо. Сам как?

— Да тоже хорошо. — сказал я и собрался было идти дальше, когда она спросила:

— Есть спички?

Я вытащил из кармана «аляски» зажигалку и подал ей:

— На.

— Спасибо. — поблагодарила она, прикуривая тонкий «Пэл - Мэл» и умело затянувшись.

Пока она прикуривала я равнодушно разглядывал её и машинально оценивал. «Симпатичная. Стройная. Глаза серые. Светленькая. Как тебя, вставляет, брюнета с карими глазами, блин обычно. У неё дочка по - моему. Да точно, Кабан, говорил. Она рано замуж вышла по «залёту» за «старшака» с соседнего квартала. Он через год или два от «передоза» помер, кто - то из пацанов базарил за это. Покойный с Толей — нарой, с нашего двора, общался по каким - то их мутным наровским движнякам. Я его видал еще щеглом пару раз. Кольца на руке нет. Значит замуж по – новой так и не вышла». — подумал я.

— Спасибо. — просто сказала она.

— Да не за что. — сказал я и тоже прикурил свой «Бонд». — Ты что гуляешь?

— В магазин ходила. Я выходная сегодня.

— Также на рынке? — спросил я.

— Ага. На вещах. Сегодня понедельник. Хоть выспалась.

— Ясно.

— А ты что? Ты ж переехал. Юлька с твоего бывшего подъезда говорила. Я ж с ней в школе училась. — добавила она. — Она говорила, что ты с армейки уже в другой район пришёл.

— Да точно. С работы сейчас вот иду.

— Понятно. Ну, я пошла.

— Ты к себе в «свои дома»?

— Ага. Я с мамой также там живу.

— Пошли, мне на «линию» тоже надо.

— Ладно.

Мы пошли, молча, чтобы заполнить паузу, я спросил из вежливости.

— Дочка как?

— Да ниче. Шесть уже.

— Ясно. — протянул я.

Минут через десять, мы дошли до её улицы. Всё так же, как и было во времена, когда еще не ушел в армию и жил в десяти минутах хода отсюда, но, правда, в «панельке». Заборы из штакетника или профлиста, лай собак, почуявших нас, деревянные ставни на окнах, сирень под ними и крохотный участки с теплицами, беленые стены. Скоро на окнах появятся ящики с рассадой — помидоров. Она сказала.

— Ну, давай. Вон мой дом. — махнув рукой в сторону.

Я неожиданно для себя спросил.

— Лен, слушай, у тебя «сотка» есть? Дай номер? Может пообщаемся, когда время будет.

Она задумалась, но через секунду сказала.

— Ладно. Пиши.

Я вытащил свою «Нокию - 3310» и записал номер.

— Пока, Лена.

— Пока, Адиль.

Я дошёл через гаражи до полосы отчуждения и минут сорок стоял там, скурив пару сигарет, смотря на поезда. Потом пошёл домой к родителям.

О Лене я не вспоминал долго. А чего вспоминать - то было? Я по ней не температурил, даже как умел. Девка как девка. Симпотная конечно. Знаю давно, квартала то соседние. Ничего плохого сроду за неё не слышал от пацанов или девчонок. Жаль её даже. Не фартануло ей в жизни. Любовь — не картошка же, не выбросишь в окошко. Нашла себе в семнадцать героя, блин, дурочка. Первый парень на деревне, а деревне один дом. И что? В восемнадцать с половиной вдова с дочкой на руках. Но короче, как - то не прям, чтобы по ней помирать девчонка. Ещё и с дочкой. «Головняк» же лишний только. Тем более денег нет у меня особо всё равно. Так я думал и не парился.

Короче, жил как жил, то есть работа, дом, работа. Раза два, пересекся с пацанами, с Толстым и Пашкой. Один кон постояли во дворе у Толстого покурили и побазарили за жили - были. Так пустой базар. Порожняк галимый. Да и то Толстого подруга, с которой он жил и которая уже привыкла им командовать, загнала домой через час. Мы с Паштетом только сплюнули: «Тьфу, сука! Каблук!», и минут десять обсуждали его и других наших кентов, которые женились или жили с девчонками, на предмет того, что они скурвились, и короче мы с ним так не делаем, и мы — красавчики.

Другой раз, я получил зарплату и, отдав треть матери, скинул Паштету смс «Salam.Buxnem?» Получив ответ «Salam.Davai.Mamka yexala», пошел к нему. Посидели, выпили две бутылки коньяка «Казахстан» под лимон и солёные огурцы от Пашкиной бабки. Побазарили, «видак» посмотрели. Пришли к выводу, что мы опять красавчики. Пашка сказал, что познакомился с девушкой с Шахтинска — города - спутника в километрах сорока от Караганды, и я его подстегнул, что по ходу, и он в каблуки уйдёт скоро, на, что он ответил.

— Да кто его знает, а, что лучше по одной всё страдать как ты? Тоже же порожняк, согласись?

Я психанул, он ударил по больному, зло зыркнул на него, и, заметив это, друг сказал.

— Ты не психуй. Мы ж друзья. Тоже бы кого нашёл бы? Ты ж нормальный пацан. Хочешь я с Олесей поговорю может у неё в её Шахтинске подруги есть свободные? Ты ж как - никак с Караганды! Армию отслужил! Настоящий мужик! — не удержался, от подкола, кент!

Я хмыкнул. Здесь я был с ним согласен. Все эти понты типа: «Не служил — не мужик!» я не уважал после армии. Я подумал: «Ну, я вот отслужил и что? Девушку потерял, работы толковой, до сих пор, после армии так и не нашёл. Короче, порожняк голимый. Всё из - за этих тупых понтов пацанских «Косить западло!» Да лучше бы отмазался бы!» — и ответил, подражая Сухову из «Белое солнце пустыни».

— Это точно! Геройский я парень! Павлины, говоришь? Ладно, рахмет, братан, поговори за меня. — и, закрыл тему.

В общем, через две недели, в субботу, убрав дома, помывшись и пообедав, я лежал и играл на телефоне в «Змейку». Было скучно. Бухать не хотелось, но дома с родителями хотелось сидеть ещё меньше Читать было нечего. Я зашёл в записную книжку в телефоне и начал искать, кому можно позвонить, перебирая в алфавитном порядке телефонную книгу. Дойдя, до Л я завис: «Что за Лена?», но сразу вспомнил: «А эта с «Хутора»!». От нечего делать сразу набрал. Облома я не боялся. Я по ней не горел. Ответила она быстро.

— Алло.

— Лен, привет. Это Адиль. Помнишь, номер давала? Как дела?

— А, привет, Адиль. Нормально. Сам как?

— Да тоже нормально. Лен, что мутишь? Давай встретимся? Сходим куда - нибудь?

Она помолчала пару секунд, и ответила просто.

— Давай. Через час на «Стекляшке» хорошо?

— Окей. Давай пока.

— Давай.

Я рывком встал и крикнул родителям.

— Пошёл. Буду, не знаю когда.

На «Стекляшке» я был вовремя. Идти до неё, было минут двадцать, но я пришёл заранее. Мать научила, что заставлять ждать себя и опаздывать — признак отсутствия культуры. Кроме того, «пацанский этикет» тоже говорил, что на «стрелу» надо являться вовремя. Да и главное, я думал: «Погода, по ходу, не май месяц. Замёрзнет ещё. Неприятно будет самому, что девка замёрзла». Дойдя до «Стекляшки» я зашёл в неё. Внутри, где, как я помнил, будучи пацаном при Союзе, торговали только продуктами и стояли трёхлитровые банки с соками и стеклянные «конусы» с ними, торговали, как говорится «от часов до трусов» и «от батона до гандона». Я пошарахался по магазу, купил пачку сигарет и постоял около углового столика, на котором пожилая женщина разложила газеты, журналы и книги. Лежали «Лиза» для мелких девчонок, «Космо» для тех, кому больше пятнадцати, книжки про «Бешеного», «Слепого» для мужчин, покет - буки с розовыми сердцами на обложке и с золотым тиснением названий «про любовь». Мобильного интернета в городе ещё не было, и эта тема давала нормальную прибыль. Читать я любил и минут пять рылся в фантастике. Наметив купить себе, позже книгу Пола Андерсона «Три сердца и три льва», я глянул на часы, на запястье, которые по - прежнему носил, несмотря, на наличие у меня сотки, и отметил: «12:50 по ходу. К часу дня она сказала подтянется сюда», и быстро вышел на крыльцо. Закурил свой «Бонд», «паля», в тут сторону, откуда она должна была подойти со стороны «линии» и «своих домов».

Наконец - то, я увидел вдали её куртку, выделяющуюся на фоне белого снега, снова глянул на часы и хмыкнул: «Пунктуальная. Молодец. Нет этих тупых понтов, как у многих, особенно малолеток: «Опоздала и это нормально. Я же девочка! Пусть ждёт»». Пока она шла к магазину, я продолжал думать о ней: «Ну, в принципе, так должно быть же у неё заведено. Замуж вышла рано. Родила рано. Вдовой стала рано. Раз ребёнок и муж уже по ходу расписание в жизни, режим дня как армии — «отбой— подъём». Как одна осталась и смогла на работу выйти тоже самое, только ещё жёстче. Ещё и ехать на этот рынок». На встречу к ней я не пошёл. Раз договорились тут на «Стекляшке», то значит тут и буду ждать, короче. Что я ей щегол или её пацан уже навстречу ей бегать? Нет, надо марку держать.

Наконец она подошла и поздоровалась.

— Привет.

— Привет, Лен. Отлично выглядишь. — ответил я и это была для меня правда.

— Спасибо большое. — ответила она искренне, без дешёвых понтов и жеманства типа: «Ой, дураак! Ты всё врёёёшь! Всё вы пацаны таааакие!», и спросила:

— Покурим?

Это мне понравилось. Она знала, что я в курсе, что она курит, и не пыталась казаться лучше и правильнее, чем она есть. Я щелкнул зажигалкой и закурил сам, хотя курил пять минут назад, чтобы ей было не так неудобно, что она курит, а пацан рядом нет.

Она действительно выглядела классно. Пока она курила свой тонкий «Пэл - Мэл», а я «Бонд», я палил её внешность и отмечал: «Фигура хорошая хоть и ребёнок есть. Стройная. Ноги длинные. Макияж аккуратный. Со вкусом, короче, накрашена. Не дешёвка. Одета аккуратно. Куртка яркая. Джинсы в обтяг. Без шапки. Волосы красивые на плечи аж светлой волной падают».

Докурив, и затушив бычок о металлический бок урны, я спросил.

— Куда пойдём, Лена?

— Не знаю. Давай погуляем? Я устала с этим «Днём сурка»: работа, дом, садик.

Я понимающе хмыкнул. Она не жаловалась. Человек просто поделился со своим, с соседнего района, и с соседней школы нормальным знакомым тем, о чём думает, не грузя, и ответил.

— Ну давай погуляем. — и, подставил ей локоть, она взяла меня под руку и мы пошли по искрящемуся пушистому снегу.

Три часа спустя, я лежал, глядя в потолок, чувствуя тепло другого человека рядом, и думал: «Не хера себе, Адиль. И что это было? Что теперь с этим всем делать будешь?».

Я встал, сходил в душ, закурил и сел у окна и подумал: «Хмм... Как - то стрёмно...Хотя с чего бы это? Она сама же была не против! Ты ж её не подпоил, не врал, ничего не обещал типа «замутим ходить будем, люблю люблю — трамвай куплю, женюсь!». Как там? Обручальное кольцо — непростое украшенье. Короче, ты опять в своём репертуаре, Адиль! Грузишься!».

Я успокаивал себя этими мыслями, хотя чувствовал себя не в своей тарелке. Нет, мимикрировать я научился великолепно с тринадцати лет. С волками жить — по - волчьи выть. Не хочешь быть аутсайдером — «лошарой» на квартале? Тогда «двигайся» с пацанами, ходи на «рамсы», не съезжай выйти «раз на раз». Всё это я делал, и никто не мог меня ни в чём упрекнуть, что я веду себя не по - пацански.

Волчья шкура приросла как родная. В армии я ещё больше привык огрызаться, скалить зубы и скрывать свои мысли. Дембель даже принёс мне дополнительное уважение в среде своих пацанов и на квартале: «Красава! Служил!» Вспомнив, это я мысленно сплюнул: «Да на хер надо! Лучше бы не понтовался и откосил как другие! Глядишь, сейчас семья была и дети. А ты бродишь, сука, один по жизни, как росомаха в тайге!» Я посмотрел на неё. Она спала. Лицо её стало спокойным, напряжение спало и она сразу стала выглядеть моложе своих лет. «Красивая... — подумал я. — И что она в этом наркоте покойном — своём муже нашла? Мучается теперь одна с дочкой. Жалко её...».

Я выпил стакан воды и неожиданно подумал: «А ведь мы с ней могли замутить по «щеглянке» еще. Год разницы всего - то у нас. Жили не особо далеко друг от друга. Знались. Даа...Эта бы дождалась с армии. Вон сколько со своим наркотом мучалась. Бегала за ним. Слыхал от пацанов. Если бы он от передоза не помер, а просто закрыли бы по 259 статье, до сих пор, небось, на зону гоняла к нему, дачки таскала. Декабристка, блин! Глупые девки!» Странно, но почувствовал зависть к её покойному мужу.

Она открыла глаза и сразу их смущённо отвела в сторону. Я понял, не дурак, и отвернулся. За спиной тихо прошелестело. «В душ пошла». — понял я и закурил снова. Когда она вышла из ванной, тоже закурила. Мы сидели и молчали минут двадцать, наверное. Потом она подняла глаза и сказала.

— Я пойду. Настя ждёт.

«Какая Настя? — не понял я, но тут до меня дошло. — Дочка же у неё!» и как - то неожиданно для себя ответил.

— Понимаю. Пошли. Я тебя провожу. — и, быстро оделся по армейской ещё привычке. Мы вышли из гостиницы. Уже темнело. Идти было недалеко. Минут двадцать - тридцать. Эту гостиницу я знал, чай не в первый раз, тут был, и сам же её привел сюда сегодня. Зайдя на квартал, пошли, напрямик, через дворы и тут меня окликнули.

— Салам.

— Салам, Мелкий. — ответил я бывшему приятелю по карате. — Как жизнь?

— Нормально. Домой с работы иду. А вы гуляете? — спросил он, глядя на нас, стоявших под руку.

Я почувствовал, что она напряглась в ожидании моего ответа и быстро сказал.

— Ага. Погода хорошая. Решили погулять. Да, Лена?

— Да. — тихо сказала она, но её пальцы, на моём локте, расслабились.

— Ладно. Мы пойдем. Давай. — закончил я разговор.

— Давайте.

Дальше мы шли молча. Я довёл её до калитки её дома и сказал.

— Ну я пошёл. Пока.

— Пока. — тихо ответила она и, вдруг поцеловав меня в щёку, зашла, закрыв, за собой, калитку. Я закурил и подумал: «Странно...Хорошо то как...Я как - будто проснулся. Да ладно, Адиль, признайся себе - то хоть, что вам обоим хочется тепла. Быть не одному, в этом холодном феврале 2003, в шахтёрском городе, среди степи. Как там писал твой любимый Ремарк в «Триумфальной арке»: «Что может дать один человек другому, кроме капли тепла? И что может быть больше этого?»? Правда ведь!». Успокоившись, я снова закурил и пошёл домой.

Два дня я не думал о ней, вернее пытался не думать. Но на третий день, посмотрев на её номер в Нокии, подумал: «Да пошли они все на хер! С ребёнком, без ребёнка! Кого гребет чужое горе!» и набрал её.

Пошли гудки. Я слушал. Наконец - то то трубку подняли и её голос произнёс.

— Алло.

— Лен, привет. Это я. Адиль. Как ты?

— Привет. Хорошо. Как у тебя дела?

— Да, нормально всё. Лен, — я замялся. — Давай встретимся?

— Я сегодня не могу. Настя болеет.

Я замялся, но как - то слегка, сам от себя обалдев, сказал.

— Ясно. Может тебе занести чего? Ну, может фруктов дочке? Или лекарства какие - то? Ты не парься. Я - то не особо деньги трачу. Живу же с родителями. Пропью, зато меньше. Постоим у калитки минут пятнадцать. Чисто пообщаемся.

Слышно было, как она подавилась смехом и ответила.

— Да не надо особо ничего. Ладно, приходи. Покурю хоть с тобой у калитки. Дом помнишь?

— Да помню. Через час. Добро?

— Хорошо. «Маякнешь» как подойдёшь.

Я встал, и сам от себя херея, побрился, хотя шёл стоять на улицы у калитки, но подумал: «Да чего девчонку позорить как перед соседями, выглядя как бич!».

Сделав, этот вывод, я оделся, как на парад.

Пальто кашемировое вместо «аляски», норковая «обманка» вместо вязаной шапки, почистил джинсы и протёр кроссовки. Одевшись, глянул на себя в зеркала в коридоре, подумав: «Красава!», заметив это, мать спросила.

— Ты куда это такой нарядный собрался?

— Да так. Никуда, мам. Так просто — сказал я смущённо и быстро свалил из дому.

Пулей, вылетев из дому, чтобы больше не отвечать на вопросы, я по ещё армейской дембельской привычке, сдвинул «обманку» на затылок, закурил, и весело немузыкально насвистывая строевую песню: «Уходил я в армию в ноябре, Провожала милая на дворе», пошёл в сторону её дома. Идти было недалеко минут двадцать быстрым шагом, а по - другому я ходить и не умел. Погода была как по заказу! Снег выпал ночью, стоял лёгкий мороз из - за которого снег скрипит под ногами, было пронзительно синее и ясное, какое бывает только в Сарыарке без единого облачка небо. Я был бодр, свеж и как - будто слегка пьян, сам не зная почему.

По пути, я заглянул в магазин за сигаретами. Нет, полпачки у меня ещё было, но курил я много, а стрелять у кого - то не любил по двум причинам: гордость, для меня это было, как выпрашивать милостыню, и брезгливость, неприятно наблюдать, как человек вытаскивает из пачки сигарету, держа её пальцами за фильтр. Короче, загонов у меня было много, и в армии я жутко страдал от своей брезгливости.

Зайдя, в магазин, я купил пачку «Бонда» и хотел было выйти, когда мой взгляд упал на отдел «овощи — фрукты». Времена дефицита, как в моём детстве, давно кончились, и остался, как говорил мой отец, только один дефицит — дефицит денег. Отдел радовал изобилием: в лотках лежали жёлтые, как солнце лимоны, яблоки разных сортов, оранжевые круглобокие апельсины, гроздья бананов, алые гранаты. Я задумался: «Она сказала ничего не надо. Всё есть

у нее, дескать. Но как - то неудобно идти туда, где больной ребёнок с пустыми руками. Я пацан или кто? Короче, это не ей же, а её дочке. Жалко же девочку. Без отца растёт. Сколько там Лена зарабатывает? Ясно дело немного! А цены то аховые, особенно сейчас в конце зимы. В общем, возьму я лимонов штук пять, апельсинов столько же, её дочке. Они не портятся. Полежат в холодильнике, если сегодня не надо. Вот. Шаришь, боец! Короче, так и сделаю». Купив фрукты, я глянул на соседний бакалейный отдел, и купил два разных шоколадных батончика «Сникерс» и «Марс», по принципу: «Раз пошла такая пьянка, режь последний огурец!» Что - что, а жмотом я никогда не был, наоборот, как обоснованно ругала меня мать и подруга до армии, был склонен к широким жестам или, иначе говоря, к понтам. Сложив покупки в пакет, который я купил там же, я вышел из магазина и пошёл дальше. Когда идти оставалось минут десять, встретил знакомого пацана и приветствовал его.

— Салам, Кенжик! Қалайсың?

— Салам, салам, мазута! Нормально. Как сам? — ответил Кенжебулат.

— Да тоже хорошо.

Его я знал давно. Будучи старше меня на год, он учился в соседней школе, в той же, что и Лена. Дерзкий, резкий, спортивный, за свои слова он всегда отвечал. Он тоже отслужил, причём в более престижных, чем я войсках, в десантно - штурмовой бригаде, о чём напоминала синяя наколка на ударной боковой поверхности его кулака «За ДШБ!», причём, полных два года, после «фазанки», не чета мне — «годишнику» после вуза — «бумажному дембелю», как, насмешливо, называли нас в армии, из автовойск, о чем он напомнил, своим обращением «мазута». В общем, пацан он был свой, и я с удовольствием остановился перекинуться с ним словечком, оттягивая момент встречи с Леной.

— В гости идёшь? — лениво спросил он, кивнув на пакет.

— Ну да. Что нового?

— Да так по - тихой всё. Вон Нафаню закрыли за «солому». С «пакетом» приняли.

— Понятно. Бывает. Давай. Я погнал, Кенжик.

— Давай, Адиль.

Пройдя ещё метров пятьсот, я свернул на её улицу, подошёл калитке и тут же отпрыгнул, выматерившись, когда из - за забора, на меня с лаем рванулся с цепи здоровенный лохматый пес, клацнувший зубами возле моего уха. Выдохнув, я полез в карман пальто за «соткой», когда услышал смех и увидел Лену, открывшую калитку и смотревшую на меня.

— Я и не знала, что ты такой спортсмен! Прыгаешь, прям как чемпион! — сказала она и улыбнулась.

Я хотел было обидеться и вспылить, но глянув в её глаза, увидел, что они смотрят весело, но без злой насмешки, и ответил.

— Ну, а как ты думала?! Конечно! Я весь в спорте! — закурил.

— Спортсмен, блин! — снова рассмеялась она, тоже закуривая.

Мы встали, и я залюбовался ею. «Красивая сегодня опять она. — подумал я. — Только какая - то другая. Домашняя» и тут же спохватившись, протянул ей пакет с гостинцами.

— На вот возьми.

Она смутилась.

— Да не надо. Неудобно как - то, Адиль!

— Неудобно на потолке спать! Одеяло спадывает! Бери! Кому я сказал?! Это дочке твоей. Не тебе. — обрезал я её нарочито жёстко, по - пацански, чтобы скрыть, охватившее меня, вдруг смущение.

Она посмотрела на меня и неожиданно робко тихо поблагодарила, опустив глаза.

— Спасибо большое, Адиль. — беря пакет.

— Пожалуйста, Лена. — ответил я, тоже почему - то тихо.

Повисла тишина. Было слышно как, лают собаки, где - то далеко проезжают машины, в паре улиц от нас прогрохотал поезд. «Товарняк, судя по звуку». — подумал я, и чтобы прервать это тягостное молчание, спросил.

— Дочка как?

— Нормально. Лучше вроде. Участковая приходила вчера. Лекарства выписала. Мы купили. Теперь спит.

— Ясно. А что с ней?

— Да Бог его знает. Они, там, в детсаду вечно все по очереди все болеют и друг друга заражают. Простыла. Температура была. Сейчас спала. Я всю ночь на ногах с ней была.

— Мдаа... — хмыкнул я. — Круговорот болезней в природе. Прям как в учебнике по биологии. Сочувствую.

— Да ладно. Я привыкла. Но спасибо.

Я понимал, что мои слова были казёнными, какими - то сухими, типа когда говорят «соболезную» о смерти человека, который для кого - то был близким, но ты его толком знать не знал, но другого ничего в голову не приходило. Странно, но сегодня с ней разговаривать было даже сложнее, чем в прошлый раз, хотя мы уже переспали. Наоборот, лично для меня, это всё усложнило. Я с ужасом начал понимать, что я набрал ей сегодня не потому, что делать было не хер. По ходу, всё становилось только ещё запущеннее. Как должен я был сделать как нормальный пацан двадцати четырёх лет? Ну, было и было. Всё по согласию. Всё путём. Ну понравилось, ну позвонил ей ещё раз, чтобы дёрнуть в гостиницу. Всё понятно. Не может? Ребёнок болеет? Косяк. Пролет. Бывает. Жаль, но я ж тут не при, чем же. Это ж не моя дочка. Забыл и всё. Ждёшь, когда дочка выздоровеет, раз уж так с ней классно отдыхать было. А я, что делаю?! Прусь к ней с фруктами для девчонки, хотя знаю, что мне сегодня не хера не обломится.

«Короче, Адиль. — подумал я. — Сука, опять добровольно лезешь в какой - то головняк!» Но голос внутри меня сказал: «Да и хер с ним! Она с меня не тянет же бабки! Это раз! Второе, это ребёнку! Третье, я на хер ничего никому не должен, с тех пор как отслужил!».

Решив, так, я сказал:

— Лен, это... — амялся я.

— Что, Адиль? — спросила она.

— Ты это...Лен...Надо,что если давай говори. Не стесняйся.

— Да не, Адиль. Ты ж не обязан же. Да и неудобно как - то. — сказала она, чертя носком сапога, снег у своих ног.

— Завязывай. — обрезал я её. — Я ж сам предложил. Ясно? — и подумал и с ужасом подумал: «Сукааа! Ты сам подписался! Конечно, она тебе ничего не предъявить не сможет, впрячься за неё некому, да и твое слово против твоего слова, но, сука, от себя не убежишь же! Я сам перед собой буду чмо если её обману! Всё, что сделано, то сделано! «В огне броду нет!»» — вспомнил я название советского фильма.

Желая закончить этот странный разговор, я снова закурил и она тоже. Так и стояли молча. Потом я сказал.

— Ладно, Лен. Пойду я. Звони, если, что, короче. Выздоравливайте. Давай.

— Пока, Адиль. Мне тоже пора. Пойду проверю как дочка там.

Калитка захлопнулась. Я пошёл по улице, выходя к «панелькам». К родителям идти охоты не было. Чего я там потерял? Решил пойти на старый квартал, пообщаться с кем - то и набрал Толстого. По моим прикидкам, он уже должен был прийти домой с работы. Трубку подняла его подруга:

— Алло.

— Оль, это Адиль. Лёха дома?

— О, привет. Да дома. Счас дам ему трубку.

Послышался её голос: «Лёша,это тебя! Адиль!».

Я хмыкнул: «Она уже его «сотку» поднимает! Емае! Совсем Толстый ручной стал по ходу!»

Снова шум и бас Толстого:

— Здорово.

— Здоров, Жирный. Как оно всё?

— Здорово, синяк! Нормально только вот похавал. Ты, что дома?

— Да не. Тут мимо иду. Выходи покурим? Или тебе нельзя одному? Уведут красавца?

— Ладно. Сейчас. — смутившись засопел Толстый в трубку.

Я минут за пять дошёл до его дома и встал у подъезда, засунув руки в карманы. Это был не мой родной двор, но точно такой же. «Хрущёвки», снег, лавки, трансформаторная будка в углу, стол, где мужики летом играли в домино, железные качели, песочница. Короче, как пел лев из Московского зоопарка на пластинке, которая была у меня в детстве, с моей любимой музыкальной сказкой: «Здесь я родился, здесь всё родное!»

Дверь хлопнула, и вышел Толстый, одетый в китайский пуховик. Он хлопнул меня по плечу.

— Что нового? Смотрю ты, по ходу, по солидолу оделся! Прям мафия! С кадров что - ли?

Я понял, что Лёха, слегка напрягся, когда по телефону, я намекнул, что он каблук и теперь идёт в «отмах», желая отыграться. Ссориться тяги не было, и я сказал нейтрально.

— Не постирал всё. Как работа? Дома что?

— Да нормально. Бабка пельмени с Олей замутили. С укусом рубанул две тарелки. Бодрая тема!

— Это дело хорошее. Повезло тебе. Хозяйственная она у тебя.

— Это да. — довольно сказал Толстый. — А ты бы тоже с кем замутил? У вас же с родаками трёшка! Работаешь, универ закончил, отслужил! Пальто вон козырное какое! Прямо мафия! — не удержался от подкола Толстый.

Я внутренне дернулся и сказал.

— Дело хорошее. Но я ещё погуляю!

Лёха усмехнулся.

— Всё по ней страдаешь? Как там Петлюра пел: «Зачем ты это сделала? Надела платье белое?» Завязывай! Забудь! Ты ж в армию в 2000 - ом ушёл. Твоя в 2001 уехала из города, а сейчас уже 2003.

Я оскалился. Толстый ударил по - больному:

— Хлебало завали, Толстый! Забыл я про неё давно! Понял?! – но машинально после его слова посмотрел мимо него в сторону. Туда, где до моей армии и ее отъезда жила она.

Толстый немного опешил, но понял, что сам косяканул, и это был перебор.

— Ладно, не газуй! Я ж как лучше хочу для тебя, братан.

Я подумал: «Да он действительно не со зла. Просто остохерел я им с этой проблемой, когда после армию, бухал неделю, узнав про всё это и, что она уехала», и сказал:

— Ладно, проехали. Понимаю надо что - то мутить с жизнью.

— Вот! И я о чём, братан! Слушай, через месяц у Оли днюха. Подруги её придут. Ты с Пашкой по— любому, Илья, Ерла. Короче, зазнакомишься!

— Ладно. Замазали. Может выпьем?

Деньги у меня были. Не пил я давно, а тут ещё и повод есть вроде. Подумать же надо под наркоз под, что я полчаса назад перед Леной подписался. Лёха закурил и сказал:

— Ну я завтра выходной. Можно, но только тогда у меня давай. Оля беспокоится будет, если я свалю куда— то надолго.

Я хотел было съязвить, но сам себя заткнул: «Молчи. Толстый— твой друг и это его жизнь. Ему нравится так жить. Ты ж если честно тоже мечтал в армии о таком! Вот приду домой, сразу к ней в форме, отметим! Через пару дней в ЗАГС! Свадьба...Дом...Жена...А вот хер тебе, Адиль! Короче, Толстый пусть живёт как хочет». – и, сказал:

— Ладно, Лех, а баб Нюра где? — имея в виду его бабку, с которой они жили.

— К дядьке с ночевой уехала в Макен.

— Ладно. Пошли в магазин. Пашке позвоним?

— Конечно.

Мы пошли в магазин на «Стекляшку». По пути позвонили Пашке чтобы он тоже шёл туда. Купили литр водки, пару пакетов «Юпи» и химозный приторный рулет для Оли с бабкой. Я взял ещё себе, у бабки, стоявшей около магазина, пакет насвая, чтобы сэкономить на сигаретах, зная, что по пьянке буду курить одну за другой. Выйдя на крыльцо, закурили и встали, ожидая друга.

— Здорово, пацаны! — поприветствовал нас знакомый пацан, проходивший мимо. — Что мутите?

— Салам, Кабан. Да Пашку ждём. — ответил Толстый.

Я промолчал. Кабана я не любил, считая гнилым, с его наровскими движняками и поганым характером. Пару раз, еще до армии, мы цеплялись с ним, но по - мелкому, на словах.

— Ясно. Что, Адиль, тебя поздравить можно? Хорошо отдыхаешь с тёлками! Кудряво!

Я напрягся, а Толстый недоуменно посмотрел на нас, спросив Кабана.

— Ты про что?

— Да ты кента своего спроси лучше. Он раскажет, что с этой спит матерью - одиночкой с Хутора! Видел я вас! Да грамотно, грамотно, Адиль! А что напрягаться в натуре! Она с тобой легко пошла же!

Я выдохнул ему в лицо.

— Кабан, она тебе, что шалава?

— А что?! Запал что - ли?!

Я как - то машинально, не думая, резко ударил его резко своим любимым с армии ударом «пыром» ногой в голень. Самбо и карате — это хорошо, но тут улица. Такой колхозный удар противник не ожидал и взвыл от боли, покачнувшись и открыв голову. Опыт кричал в голове: «Бей! Пока он потерянный!» И я, жалея, что не в «аляске» пробил ему правый боковой в голову и левый прямой в корпус. Он упал, и я прыгнул сверху ещё дважды успев ударить его, припечатывая его голову ко льду, прежде, чем Толстый и подскочивший Пашка оттащили меня. Кабан поднялся и посмотрел на меня. Я, глядя ему в глаза и зная, что уже ход свой сделал, чётко сказал ему.

— Ещё раз так её назовёшь, сука, я тебя кончу, отвечаю. Понял?

Он промолчал и молча пошёл прочь. Пацаны глянули на меня, но промолчали.

Зайдя к Толстому, мы умылись и сели за стол. Выпили по первой и закусили. Потом по второй, меня начало отпускать. Глядя, на меня, пацаны сказали в один голос.

— И что? Чего ты так психанул?

Пашка, немного знавший Лену, спросил.

— Ты, что в натуре, с ней ходишь?

Я понял, что выбора нет, иначе я подставлю нас с ней обоих, сказал.

— Да хожу, пацаны. Вопросы? С какой целью интересуетесь?

— Да так, без цели. – избегая слова просто. – протянул Толстый. – И как ты ее замутил? Ты ж вроде с ней не общался никогда?

— Так вышло.

Пацаны замолчали, переваривая услышанное, я тоже. А что тут говорить было после такого? Пользуясь паузой, я поднялся из - за стола, вышел на балкон, вынул сигарету из пачки

и закурил. Глубоко затянувшись, я, как отстранённо, будто видя себя со стороны подумал: «Ну вот, Адиль, ты окончательно влип. Поздравляю! Теперь этот «головняк» с тобой окончательно. Правда, вариантов и не было других, по - большому счёту, с того момента, как ты ударил Кабана. По - умному, если рассудить надо было перевести, это всё в шутку типа «Да завязывай, Кабан, у нас всё серьёзно с ухмылочкой», ведь она мне никто же? Ну переспали раз, на первом настоящем свидании, и всё. Или отмолчаться, а ты перемкнул. Не я так бы не смог! — неожиданно понял я. — Да ну на хер! Будет ещё такой черт, как Кабан за неё языком трепать на районе! А он может! Хуже бабы! Правда, теперь хлебало завалит, сука! Нет выбора не было! Она хорошая! Красивая и одна да ещё с дочкой маленькой. Жалко её. Даа...Влез ты за «деву в беде», Адиль, впрягаться! Да и по хер! За всякую херню «рамсовал» миллион раз, а тут по делу! Но к ней зайти надо сегодня еще раз, по - любому, поговорить».

Приняв решение, я добил сигарету и зашёл в комнату. Не было меня минут пять не больше, и я, краем уха, открывая дверь, уловил обрывок разговора, резко оборвавшегося, при звуке открывающейся балконной двери.

— Да, что бы он гнал?! Значит так и есть! Он Кабана первый ударил, даже говорить не стал с ним! Я ж говорю, как «чика» упала у него, хоть трезвый! — сказал Лёха.

— Ну не знаю. — протянул Пашка. — На хера ему это? Он с ней и не общался никогда. С ребёнком ещё.

Я зашёл, и глянув на пацанов, сказал.

— Наливай, что - ли, Паштет! Знаешь за, что пацана, одного на «Степном» завалили? За задержку тары!

Пашка разлил, я сказал.

— Ну, давайте, пацаны, и конкретно ты, Толстый, выпьем за твою семью! Пусть у вас с Олей всё будет хорошо! Счастья вам и всех благ!

Мы выпили до дна, чтобы зла на донышке не осталось. Сидевшая, до этого тихо, Оля подняла глаза и радостно начала благодарить меня:

— Ой, спасибо большое, Адиль! И тебе того же! Ты парень хороший! Я ж вот слышала ты с девушкой ходить начал! Вот и молодец! Приходите к нам с ней, в гости, вдвоём обязательно. Да же, Лёш? А ребёнку её сколько? — задала она вопрос мне.

— Да лет пять — шесть. — ответил я.

— А ну маленькая ещё! Привыкнет к тебе, Адиль! Дети привыкают! Ей тоже отец нужен! Она через год тебя папой называть сама будет! Потом общего родите! — защебетала Ольга, успокаивая, как ей казалось меня. — А её отец родной где? — спросила она меня.

Я ответил.

— Умер он. От передоза. Давно уже.

— Ужас какой! Ну знаешь так даже лучше! Мешать вам семью строить не будет!

Я хмыкнул, подумав: «Да ты теперь еще теперь отчим, Адиль! Охереть! Какой ещё ребёнок! Какой ещё я ей отец? Я то со своей жизнью разобраться не могу, а тут отец!», но промолчал и, переводя разговор на другую тему спросил Пашку.

— Татар, что мутит? Общаетесь ещё?

Разговор ушёл в другую сторону, и я выдохнул. Часа через два водка кончилась, хотя мы отправили Паштета за третьим пузырём, которые пацаны вытянули с меня как «проставку» за мою новую жизнь. Я встал из - за стола и сказал.

— Оля, пацаны, спасибо большое вам, но я погнал. Пора мне. Отдохнуть надо. Пойду я.

Особо никто не возражал. Я оделся и вышел во двор. Закурил, глядя на ясное чёрное небо, усыпанное яркими звёздами. Было морозно и тихо. Я подумал: «Какой странный и долгий сегодня выдался день! Наверное ты делов, Адиль! Да и хер с ним! Как там наш старшина на карантине говорил? Не умирай, солдат! Ну его на хер! Ладно, но одно дело у меня ещё на

сегодня осталось и надо его закончить» — решил я и выкинув окурок в снег пошёл слегка, пошатываясь к её дому. Сильно пьян я не был, как - то не брало сегодня. В голове наоборот была какая - то звонкая ясность, как перед дракой, когда ты понимаешь, что она неизбежна и обратной дороги нет. Минут через пятнадцать я стоял у её калитки и набирал её номер.

— Алло.— услышал я её голос.

— Лен, это опять я. Выйди на пять минут. Срочно. Поговорить надо.

— Ты, что пьяный?

— Да нет! Слушай, три минуты. Надо. Отвечаю.

Секундное молчание и она сказала.

— Сейчас.

Через минуту, она вышла и глядя на меня в упор спросила.

— Так, что?

Я медленно и спокойно, чеканя каждое слово, сказал ей, глядя прямо в глаза.

— В общем так. Для всех мы с тобой ходим, поняла? Кто что спросит подруги твои, пацаны любые, соседи так и скажешь, что я твой пацан. Ясно тебе?! Я из - за тебя сегодня с Кабаном «рамсанул». Не переживай. Месяц комедию поломаем и разбежимся. Скажешь всем, что я пробитый и на хер такой нужен. Короче, так. Поняла?! — приготовился к возмущению, но она тихо сказала:

— Да поняла я, поняла. Не дура. Значит ходим мы? — на секунду она, как - бы тоже зависла и вдруг сказала: — Проходи. Чай попьём крепкий. Отрезвеешь, а то тебя по дороге домой менты заберут, а оно мне надо за тобой на трезвяк ездить ночью? — и рассмеялась.

Я замялся, но подумал: «Семь бед — один ответ. Действительно чаю попью. Согреюсь. Отойду немного, действительно. И дома родители меньше ныть будут, что бухал, когда перегар учуют, да и, в натуре, на патруль напороться можно. В «трезвяк» то не заберут конечно, не настолько я пьяный, но отвезут на Терешкову в отдел, просидишь час — два в «обезьяннике», протокол — штраф, а потом идти пешком по ночи домой. Да и нужно по - любому это сделать. Мы ж взрослые оба. Двадцать четыре и двадцать три. Логично, что я к ней зашёл чаю попить. Я же теперь её «официальный» пацан, емае, в глазах всего квартала и таким буду ещё месяц!».

Из этого потока сознания в виде самоуговоров и самооправданий, меня выдернул её голос.

— Адиль, идёшь? Я собаку на цепь посадила. Не бойся ты!

Она стояла держа калитку открытой. Лицо её румянилось от мороза, и она дула на свои ладони, чтобы их согреть. Я подумал: «Косяк! Заморозил девчонку! Не тормози!» и ответил.

— Да— да, Лен. Иду.

Решив так, я прошёл за ней калитку, а потом по узкой тропинке, кое - как расчищенной после вчерашнего снегопада, к дому с синими деревянными наличниками и ставнями. «Мдаа... — подумал я. — Чего удивляться - то? В доме одни женщины живут, да и то, младшей и шести, по ходу, ещё нет!». Зайдя, в дом, вслед за ней я взял веник и смел с кроссовок, приставший к ним снег, потом прошёл в кухню. В таких домах я бывал и сразу понял, что и как тут расположено. Кухня, сразу как зайдешь налево, по коридору дальше проход в зал и оттуда выход ещё в две жилые комнаты. «Не немцы строили. — подумал я. — У тех, обычно, комнаты маленькие, но их больше и они изолированные комнаты делают — непроходные». Сняв пальто и шапку, я повесил их на полированную доску с крючками, прикрученную к стене, на которой висели три комплекта женской одежды разного размера. Зайдя в кухню, увидел, как она зажгла плиту, работающую от газового баллона, стоящего в кухне и поставила чайник. Лампа с сиреневым абажуром светила мягким светом, и я увидел герань и «декабрист», в горшках на окнах, ситцевые занавеска в цветочек, обеденный стол, накрытый чистой красивой клеенкой, две табуретки и один стул повыше. «Для дочки» — догадался я и присел на одну из табуреток.

Лена поставила тарелку с вареньем на стол, налила чай и сказала, сев напротив.

— Бери варенье. Сама варила из нашей вишни. Было клубничное ещё, да Настя уже всё съела.

Я отхлебнул чай, взял варенье и расслабился. Было спокойно. Тихо только слышно было, как идут настенные часы, где - то судя по звуку в зале. Чтобы прервать неловкое молчание я спросил.

— Завтра на работу?

— Ага. А ты?

— Да не суббота же завтра.

— Везёт. Я ж с этим рынком только в понедельник выходная.

— Понимаю. А мама где твоя?

— Спит. Устала.

Мы просидели ещё минут двадцать в тишине. Хмель отпустил от крепкого сладкого чай с вареньем. Я поднялся и сказал.

— Ладно, я пошёл. Спасибо тебе. — замялся и добавил. — Я завтра на рынок зайду к тебе, встречу и домой провожу, ясно? Мы сейчас обязаны этот театр с тобой играть. Мы ж теперь «ходим»! Во сколько заканчивашь в пять?

Она глянула удивлённо, но ответила.

— К полшестого приезжай.

— Ладно. Буду.

Встал, оделся и услышал тихое.

— Выходить будешь калитку на крючок сверху закрой. Я потом как со стола уберу, выйду собаку спущу с цепи и нормально закрою.

— Хорошо.

Пройдя мимо будки, я глянул на пса. Собаку я любил и подумал: «Надо ему из дома костей принести» и сказал, обращаясь к псу:

— Давай охраняй их хорошенько. Договорились?

Тот только глухо взлаял в ответ. Я усмехнулся и вышел на улицу. Прикрыл калитку на крючок, закурил и пошёл домой.

На следующий день, я проснулся почти без похмелья. Пришёл я поздно. Родители уже спали, и поэтому обошлось без замечаний. Они не особо конечно меня мучали и не проповедовали мне полное воздержание, просто, как сказал отец, а он у меня был судимый: «Ты по пьянке можешь и срок поднять, не за что, по дури. Мы тебя знаем. И я знаю, как это бывает, слово за слово, «Ты как меня назвал?!», и потом, как при Союзе говорили: «Или трое судят или четверо несут». Короче, аккуратно давай, понял? Или забыл, что перед армией твоей было?!».

Я понимал и молчал. Крыть было нечем. Я сам помнил, как перед армейкой, шарахаясь весь на взводе последнюю неделю, почти не бывает трезвым, топя, по дури, свои личные проблемы в водке, я крупно подрался, по синьке, на пару с кентом с тремя нарами, фактически не за что. Один из них вытащил нож. Нарики их часто таскали, физика у них была уже не та обычно, да и народ они были уже отбитый, те кто плотно «сел на иглу», свой срок они часто уже таскали в кармане и поэтому порезать могли за не хер делать. Но в тот раз у них не прокатило. Мы их раскатали с Печей как каток асфальт, но тут как назло мимо проезжал патруль и нас всех сгребли. Печу отпустили через час из - за отца — майора в отставке, а вот я дебил сидел в камере до утра, прикидывая, что похоже дело пахнет керосином и хорошо, если я отделаюсь статьёй за хулиганку, а вот если там у наров, что пропало, то это труба...Можно и разбой поймать. К счастью, мне фартануло, Печин пахан, отмазывая сына вынужден был волей - неволей помнить и обо мне и главное нарики отказались писать заявление, ибо им было западло. Короче, я выпрыгнул, и через три дня уже мотал портянки в части под мат сержанта.

Да и сейчас ничего не изменилось. Придя с армии, я узнал, что мой кент юности Слон поймал трешник, сломав по пьянке челюсть, не тому пацану в кабаке. Тот «затерпел», возбудили дело. Что там доказывать? Полный кабак свидетелей, а аргументы Слона типа «Да он меня на хер первый послал!» почему - то никакого впечатления ни на следака, ни на судью с прокурором, не произвели. Короче, Слон теперь мог гордо петь дворовую песню: «Голуби летят над нашей зоной, Голубям нигде преграды нет!»

То же самое говорила мать. В общем, я и сам знал, что пьянка вещь такая...Хер его знает, что выйдет. Позавтракав, я помог отцу с матерью в уборке квартиры, наловчившись в армии ещё больше. После великих подвигов в наряде, когда вы — двое дневальных моете всё спальное расположение на роту плюс «взлетку» убирать дома мне теперь было легко.

Потом сходил с матерью в магазин и помог ей притащить продуктов на неделю. За обедом, я предупредил родителей.

— Я в полпятого уйду. Буду поздно.

В принципе, конечно, мог и не говорить этого, но раз я жил с ними сейчас, то думал, что все же должен ставить их в курс дела, хотя они знали, что ушёл бы я и без их согласия. Отец спросил.

— Куда собрался? К пацанам?

Да не. Так дела. — уклончиво ответил я, и вспомнив спросил у матери.

— Мам, моя куртка кожаная чистая? Я забыл просто.

— Чистая в шкафу висит. Так холодно же ещё. Где ты в ней собрался щеголять? — ответила она.

— Да так. Просто захотелось надеть. — попытался уйти от ответа я, но мать усмехнулась, обращаясь к отцу.

— Да он никак у нас на свидание собрался. Ну чтож тоже надо.

Отец поддержал мать.

— Ты знаешь если такое дело мы не против. Ты не пацан уже. Двадцать четыре. Армию отслужил. Диплом есть. Работаешь. Давай пора думать.

Я хмыкнул.

— Сами потом не рады будете же. Вот приведу, не понравится вам.

Мать сказала.

— Мы потерпим если сам решишь. Главное сам, чтобы на нее вздумал жаловаться. Я тебя заранее предупредила. Живите отдельно, и сам решать будешь свои семейные проблемы.

Я хмыкнул ещё раз и вышел из - за стола. Отдохнул, оделся и вышел из дому. До рынка я добрался вовремя и в полшестого курил у входа на него. Лена вышла и огляделась, я окликнул.

— Лен, я тут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.